

ГЕРДЕРОВСКИЙ БИБЛЕЙСКИЙ КОММЕНТАРИЙ

СВЯЩЕННОЕ ПИСАНИЕ. ПРАКТИЧЕСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ

Виллибальд Лаук

Комментарий на Евангелие от Матфея¹

ГАДАРИНСКИЕ БЕСНОВАТЫЕ. 8:28–34 (Мк. 5:1–17; Лк. 8:26–37)

28 И когда Он прибыл на другой берег в страну Гергесинскую, Его встретили два бесноватые, вышедшие из гробов, весьма свирепые, так что никто не смел проходить тем путём. **29** И вот, они закричали: что Тебе до нас, Иисус, Сын Божий? пришёл Ты сюда прежде времени мучить нас. **30** Вдали же от них паслось большое стадо свиней. **31** И бесы просили Его: если выгонишь нас, то пошли нас в стадо свиней. **32** И Он сказал им: идите. И они, выйдя, пошли в стадо свиное. И вот, всё стадо свиней бросилось с крутизны в море и погибло в воде. **33** Пастухи же побежали и, придя в город, рассказали обо всём, и о том, что было с бесноватыми. **34** И вот, весь город вышел навстречу Иисусу; и, увидев Его, просили, чтобы Он отошёл от пределов их.

И сразу Иисус новым чудом показывает, что обладает властью не только над стихиями земли, но и над страшными силами преисподней. **(28)** Вероятно, под утро лодка достигает противоположного берега, «земли Гергесинской». Где именно находилось это место, установить с полной определённой нельзя, тем более что Марк и Лука дают другое название. Рукописи расходятся в чтениях «Герасинская», «Гергесинская» и «Гадаринская». Гадара, известная своими горячими источниками и роскошными купальнями, лежала к югу от Ярмук, притока Иордана, примерно в десяти километрах по прямой от берега озера. Значит, она не могла быть тем городом, который имеется в виду в стихах 33–34: из контекста ясно, что он находился совсем недалеко от берега. Но по Иосифу Флавию «Гадаритидой» называлась вся эта область, начинающаяся от самого озера и охватывающая полосу южного и юго-восточного побережья протяжённостью около шести-семи километров. Следовательно, Иисус должен был высадиться где-то на юго-восточном берегу Галилейского моря.

¹ Перевод: игумен Петр (Мещеринов). Редакторы: Елизавета Жудро, Ольга Ануфриева.

Города Герасы там не было. Но на одной из местных гор находился город или селение Гегеса, о чём сообщают Ориген и другие писатели его времени. По-видимому, это и был тот самый город, о котором идёт речь; его развалины ещё и теперь видны на невысоком холме. Что же касается чтения «Гераса», встречающегося в большинстве рукописей Марка и Луки, то оно, вероятно, возникло как ошибочная поправка переписчиков, незнакомых с местностью и заменивших неизвестную им Гегесу более знакомым названием. Историческая Гераса находилась в Перее, не менее чем в двух днях пути от Геннисаретского озера.

Итак, Иисуса встретили двое бесноватых. Марк и Лука сообщают только об одном. Поскольку и в других случаях Матфей, в отличие от Марка и Луки, говорит не об одном, а о двух людях, получивших помощь от Спасителя (например, при исцелении слепых у Иерихона (Мф. 20:29; ср. Мк. 10:46; Лк. 18:35), критики выдвигают различные объяснения того, почему Матфей, по их мнению, из одного сделал двух. Всё гораздо проще: их действительно было двое. Марк же, а вслед за ним и Лука, упоминают только одного, потому что только один из двоих впоследствии просил Господа принять его в число учеников, но вместо этого получил повеление проповедовать в Десятиградии (подробнее см. комм. к 20:29).

По традиционным иудейским представлениям демонов существовало бесчисленное множество. Ими были наполнены земля и воздух. «Рабби Хунá († 297) говорил: у каждого из нас тысяча злых духов по левую руку и десять тысяч по правую». «Рабби Иегуда бен Шаллум говорил: в воздушной области между небом и землёй нет даже четверти кавы свободного пространства (1 кав – мера объёма около 2 литров), где не находилось бы девяти кавов демонов». Считалось, что существуют различные виды демонов. Рабби Иоханану († 279) было известно триста их разновидностей. По-разному думали и об их происхождении. Согласно некоторым древним воззрениям, это были души исполинов, родившихся от плотского соединения ангелов с дочерьми человеческими (Быт. 6:1–4). Другие полагали, что это духи, которых Бог сотворил вечером шестого дня творения, но затем наступление субботы помешало Ему создать для них тела, и потому они стали демонами. Были и иные представления.

Демоны – злые духи, принадлежащие к царству сатаны. Они как бы по-военному организованы в различные отряды со своими начальниками, и самыми разнообразными способами вредят человеку телесно и душевно. С действием демонов связывали также всевозможные болезни, поэтому в Талмуде говорится о «духе геморроидальной болезни», «духе оцепенения», «духе сердечной боли» и т. п. Изгнать злого духа из человека было нелегко. Особенно, по расхожим

представлениям, умением изгонять демонов прославился царь Соломон, – по этой причине позднейшие заклинатели охотно пользовались приписываемыми ему приёмами и формулами. Иосиф Флавий рассказывает об одном таком заклинателе времён императора Веспасиана (69–79 гг. по Р. Х.): «Способ исцеления был таков: он подносил к носу одержимого перстень с печатью, под которой находился один из корней, указанных Соломоном. Затем, когда больной вдыхал его запах, он вытягивал злого духа через ноздри; человек тотчас падал, а заклинатель приказывал духу больше не возвращаться в него. При этом он поминал Соломона и произносил составленные последним магические формулы». Таким образом, к истинной ветхозаветной вере примешивалось немало суеверий, в значительной степени определявших язык и образ мыслей той эпохи. Иногда Иисус, или евангелисты, пользовались этим языком, но вкладывали в него гораздо более глубокий и истинный смысл (например, Лк. 13:11–17; ср. комм. к 8:17).

Но, разумеется, существовала и настоящая бесноватость, – что как раз и доказывает приводимое повествование. Внешне бесноватые вполне походят на безумных, однако причина их состояния иная. Медицинское безумие обусловлено болезненным физическим расстройством мозга или его функций; при бесноватости же диавол овладевает телесно-психической жизнью больного, так что его самосознание, хотя и не всегда полностью, подавляется. Бесноватый говорит и мыслит от имени диавола. Таким образом, сатана при бесновании распространяет свою власть не только на тело человека, расстраивая его функции, но и на душевную жизнь. Это, однако, не означает, что он имеет власть над самим духом человека, высшей частью его души. Получить такую власть он может лишь через свободную волю человека, то есть через смертный грех. Но в любом случае, поскольку душа составляет с телом субстанциальное единство, она и в своей духовной деятельности зависит от мозга, который необходим ей для образования чувственных представлений, неизбежно сопровождающих понятия. При бесноватости злой дух настолько овладевает мозгом своей жертвы, что тот начинает действовать как его орудие.

Почему во времена Иисуса Бог попускал, чтобы бесноватость встречалась особенно часто, понять нетрудно. Диавол оставался ещё *князем мира сего*, пока Христос не сокрушил его власть (Ин. 12:31). Люди должны были на собственном опыте убедиться, насколько ужасна эта власть и насколько человек бессилен перед ней, – и вместе с тем насколько могуществен Тот, Кто способен разрушить её одним словом. Поэтому ныне бесноватость, по крайней мере там, куда простирается влияние Церкви, значительно уменьшилась, ибо непосредственная власть диавола над человеком

была уничтожена смертью и воскресением Христа. Лишь тот, кто сам протягивает дьяволу руку, и сегодня отдаёт ему власть над своей душой. К чему приводит такой союз, весьма наглядно и показывают бесноватые.

Этим, однако, не утверждается, что бесоодержимость вовсе не встречается и в современном мире. Несомненно, в подобных случаях немалую роль играет воображение или и вовсе обман. Но и критицизм, доведённый до крайности, сам становится некритичным. Тот, кто достаточно занимался новейшими научными исследованиями, слишком хорошо знает, как мало мы знаем. Нашему непосредственному чувственному восприятию доступна лишь малая область бытия. И та его часть, в которую способно проникнуть наше опирающееся на эксперимент мышление, также сравнительно невелика; а за её пределами простирается мир, о котором мы можем разве лишь догадываться. Но непредубеждённый наблюдатель не может отрицать, что в видимом, эмпирическом мире существуют явления, которые можно объяснить лишь вмешательством сил невидимого, духовного мира.

И вот двое таких бесноватых выходят навстречу Иисусу из гробниц, по обычаю того времени высеченных в скалах. Матфей кратко называет их «весьма свирепыми»; Марк и Лука подробнее описывают, в чём проявлялась эта свирепость. Обращают на себя внимание их слова, обращённые к Господу, в которых странно смешиваются почтительность и дерзость, – и то и другое выдаёт их плохо скрываемый страх. Они подобны собаке, которая громко лает и угрожающе рычит, но при этом, поджав хвост, отступает перед взглядом хозяина. **(29)** «Пришёл Ты сюда прежде времени мучить нас». Демоны знают, что Сын Божий – а именно таким диавол в полной мере узнал Иисуса ещё при искушении (4:1–11) – с установлением Своего Царства отнимет у них всякую власть и тем самым лишит их последней радости на земле – мучить людей. Тогда им придётся окончательно низойти в бездну (Лк. 8:31). Но то, что Он уже теперь пришёл сюда, кажется им преждевременным. Гадаринская страна была по большей части населена язычниками – греками и говорившими по-арамейски неевреями. Гадара принадлежала к так называемому Десятиградию – союзу первоначально десяти городов, которые Помпей вывел из-под власти иудеев и сделал самостоятельными, хотя они и оставались под верховной властью сирийского наместника. Демоны, очевидно, надеются, что Мессия Израиля до установления Своего Царства ещё не станет обращать Своё внимание на языческие народы. Потому у Марка они и просят Его не высылать их «вон из страны той» (Мк. 5:10). **(31)** Почему они так боятся и о чём именно просят, Матфей предоставляет лишь догадываться, тогда как Марк говорит об этом прямо: бесы страшатся мучения от власти Спасителя и

не хотят быть изгнанными из этой языческой земли (Мк. 5:7–8). Пусть Он хотя бы позволит им войти в стадо свиней – такого позволения, как им казалось, вполне можно было ожидать от Мессии иудеев, для которых свинья была нечистым и отвратительным животным. И тогда, думают они, всё будет не так плохо: они смогут остаться здесь и, по крайней мере, истязать животных, если уж им не позволено истязать людей.

(32) Но демоны просчитались – хотя Иисус и исполняет их просьбу. «Идите», – говорит Он. Одно короткое, повелительно брошенное слово – сравните с этим всю сложную процедуру иудейских заклинателей демонов, о чём мы сказали выше. Будучи Господом и Владыкой всего, Иисус имел право допустить гибель стада – как нередко Бог вразумляет людей через те или иные катастрофы. Это должно было стать знамением для жителей той страны: им – и не только им – надлежало увидеть, какое страшное полчище вселилось в двух несчастных бесноватых, и сколь велика власть Самого Иисуса. Но едва демоны выходят из них и входят в свиней, как всё стадо – около двух тысяч голов (Мк. 5:13) – устремляется вниз по склону в озеро. И в этом был просчёт злых духов – ведь то были неразумные животные, реагирующие иначе, чем люди. Почувствовав в себе страшную силу, свиньи перепугались и бросились бежать, не останавливаясь до тех пор, пока не оказались в воде.

Разумеется, рационалистические критики пытаются перетолковать происшедшее так, будто оба бесноватых после повеления Господа ещё раз пришли в такое неистовство, что испуганные свиньи бросились бежать. Но это прямое насилие над текстом. Не следует представлять дело и так, будто свиньи бросились в пропасть с края высокой скалы. В этом месте у озера таких отвесных скал вообще нет. Они просто помчались вниз по склону, не смогли остановиться перед водой и утонули.

(34) Жители того города, язычники, видят в Иисусе лишь чародея, повелевающего таинственным и грозным силам. Поэтому они и просят Его покинуть их область. Иисус уступает – Он ведь и пришёл на этот берег озера только для того, чтобы хоть немного отдохнуть от напора толпы. И хотя это Его желание в полной мере не осуществилось, всё же сама переправа туда и обратно отчасти дала Ему необходимый отдых.

Конечно, со стороны жителей Гадары было крайне неразумно из страха перед возможным земным ущербом желать, чтобы Господь и Спаситель удалился от них. Но и теперь немало христиан не решаются всецело довериться Христу, опасаясь, что Он может потребовать от них чего-то, что пойдёт вразрез с их земными желаниями. Они забывают, что Бог не требует от человека жертвы, не даруя вместе с тем Своей

благодати, которая не только даёт силы принести жертву, но и внутренне обогащает человека так, что кажущаяся утрата оборачивается для него великим приобретением.

ИСЦЕЛЕНИЕ РАССЛАБЛЕННОГО. 9:1–8 (Мк. 2:1–12; Лк. 5:17–26)

1 Тогда Он, войдя в лодку, переправился обратно и прибыл в Свой город. **2** И вот, принесли к Нему расслабленного, положенного на постели. И, видя Иисус веру их, сказал расслабленному: дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои. **3** При сем некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует. **4** Иисус же, видя помышления их, сказал: для чего вы мыслите худое в сердцах ваших? **5** ибо что легче сказать: прощаются тебе грехи, или сказать: встань и ходи? **6** Но чтобы вы знали, что Сын Человеческий имеет власть на земле прощать грехи, – тогда говорит расслабленному: встань, возьми постель твою, и иди в дом твой. **7** И он встал, взял постель свою и пошел в дом свой. **8** Народ же, видев это, удивился и прославил Бога, давшего такую власть человекам.

(1) Итак, после совсем непродолжительного отдыха Спаситель вновь возвращается в Свой город. Разумеется, речь идёт не о Назарете, а о Капернауме, который в первое время служения в Галилее Иисус сделал центром и исходным пунктом Своей деятельности. Но и здесь Ему нет покоя. Едва Он оказывается в доме (Мк. 2:1) – в каком именно, не сказано; возможно, в доме Петра или же в доме, где жила Его Мать (Ин. 2:12), – как Его уже окружает множество людей (Мк. 2:2). (2) И тут же к Нему приносят на носилках больного – расслабленного.

По какому признаку Иисус увидел веру тех, кто принёс больного, Матфей в своём лаконичном изложении не сообщает. Марк и Лука рассказывают об этом подробнее, описывая усилия, которые те предприняли, чтобы доставить расслабленного к Иисусу. «Увидев веру их»; сам парализованный, стало быть, уже не имел веры или сохранил её лишь в самой слабой степени. «Дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои». Как уже было замечено (см. комм. к 8:17), Иисус не считает, будто всякая болезнь бывает следствием личных грехов. Но здесь, по-видимому, дело обстояло именно так; или, по крайней мере, больного тяготило сознание каких-то особых грехов. Поэтому Спаситель прежде снимает с него это бремя и только потом исцеляет его.

Господь – премудрый Врач. Он смотрит не только на внешние проявления телесной болезни, но проникает глубже – в душу. В ней таится то, что парализует мужество больного и волю к жизни, уже не позволяя ему верить и надеяться. И действительно, всякий врач знает, какое большое, а нередко и решающее значение для лечения не только душевных и нервных расстройств, но и телесных болезней

имеет общее душевное состояние пациента: царят ли в нём спокойствие и внутренняя гармония или, напротив, разлад. А такую гармонию, из которой душевные силы изливаются и на тело, способна дать только религия, живо соединяющая человека с Первоосновой всего бытия. Разумеется, здесь имеется в виду не та – к сожалению, слишком распространённая – религиозность, когда человек прибегает к Богу лишь затем, чтобы спастись от жизненных невзгод, ища в Нём замену земным благам, которых он лишён и которые, говоря откровенно, предпочёл бы Самому Богу. Нет, здесь речь идёт об истинной библейской религиозности. В ней нет ничего от безвольной покорности судьбе – пассивная обречённость стоиков совершенно чужда духу Христову. Но столь же далека библейская религиозность и от отчаянного упорства человека, который во что бы то ни стало хочет жить, потому что кроме земной жизни никакой другой не знает, и совершенно падает духом, когда его усилия оказываются напрасными. Для больного обе эти крайности могут быть одинаково пагубны. Истинно верующий христианин, напротив, всецеловеряет свою волю Богу. Он знает, что всё в его жизни, включая и страдания, имеет определённую Богом цель, хотя подробности Его замысла могут оставаться для него непостижимыми. Поэтому он одинаково далёк от обеих ошибок: безучастно предоставлять всему идти своим чередом или полагать, будто всё он должен сделать сам. Напротив, он знает, что благодаря единению его воли с волей Божией цель, поставленная Богом, непременно будет достигнута. Поэтому его мужество и решимость жить, проникнутые волей Божией, сохраняются до самого последнего мгновения, когда он может возвратить свою волю Творцу, как возвращают взятый в займы инструмент после завершения работы.

Заслуживают внимания и милостивые, исполненные любви слова Иисуса: «Дерзай, чадо! прощаются тебе грехи твои». Каждый грешник, можно сказать, вправе рассчитывать на особо нежную любовь Спасителя. Лишь тот, кто отрицает свою греховность, не угоден Ему.

(3) И тут же у книжников возникают дурные мысли. Как сообщает Лука, их собралось немало – из Галилеи и даже из Иудеи и Иерусалима. «При этом некоторые из книжников сказали сами в себе: Он богохульствует». Они уже давно с подозрением относятся к Иисусу и начинают пристально следить за Ним.

Книжников, как уже было сказано выше (см. комм. к 5:20), следует отличать от фарисеев. Это были учёные мужи иудейского народа. А поскольку учёность Израиля была сосредоточена на Торе, Законе Моисея, который одновременно служил и религиозным, и уголовным законом, книжники были и богословами, и правоведами.

Книжником мог стать лишь тот, кто прошёл полный курс учёной подготовки, то есть овладел не только Законом и его толкованием, но и *галахот* – всем сводом предания и традиций. На это уходило много времени, поскольку во времена Иисуса вытекающие из традиции толкования Писания и установления ещё не были записаны, и их приходилось заучивать наизусть. Те, кто учился у книжника, именовались «слушателями». Когда они приобретали достаточно знаний, чтобы самостоятельно толковать религиозно-правовые нормы и применять их к отдельным случаям, они становились «учениками». Из их числа избирались «книжники», которых позже стали называть «мудрецами». Книжником мог стать лишь тот, кому исполнилось по меньшей мере сорок лет. Это совершалось через возложение рук другого книжника – так посвящаемому передавался восходящий к Моисею дух Закона. Книжник получал право носить титул «равви́», он был одновременно учителем и судьёй и имел право самостоятельно решать вопросы обрядового и уголовного права. Большим уважением и почитанием пользовались не только книжники, но уже и ученики. Даже не получившие посвящения ученики, которым позднее иногда давали почётное именование «соратники мудрецов», нередко становились учителями, начальниками общин и т. п. Нетрудно представить, как они этим гордились. О том, с каким презрением книжники и фарисеи относились к *ам-хаарец* – необразованному простонародью, – уже говорилось выше (см. комм. к 5:41).

И вот эти книжники возмущены до крайности: какой-то *ам-хаарец*, не прошедший их школы, осмеливается прощать грехи! И действительно, это было нечто совершенно неслыханное. Чудеса совершали и некоторые древние пророки – например, Илия и Елисей. Но никто из них не дерзал прощать грехи. Они властно возвещали грешникам Божий суд и кары, проповедовали с такой силой, что народ и цари приносили покаяние, – но ни один из них не осмелился бы сказать, как этот Назарянин: «прощаются тебе грехи твои». Это может сделать только Бог на небесах – но никак не человек на земле. **(4)** Иисус видел их мысли. Для этого не требовалось Его божественного всеведения – всё можно было прочесть уже на их суровых, холодных лицах, тогда как остальные присутствующие с горячим участием смотрели на несчастного больного и на Иисуса. **(5)** Произнести «прощаются тебе грехи твои» и «встань и ходи» как слова одинаково легко. Но одинаково трудно произнести их так, чтобы сказанное исполнилось. Причём действие вторых слов можно проверить здесь, на земле, потому что телесное чудо происходит у всех на глазах; прощение же грехов совершается на небесах, и этого ни один человек увидеть не может. Но Тот, Кто имеет в Себе божественную силу совершить одно, имеет ту же силу совершить и другое.

(6) Поэтому, чтобы книжники уразумели, что Сын Человеческий, хотя Он и земной человек, обладает вместе с тем Божественной властью и в силу этого может творить на земле то, что творит лишь Бог на небесах, – Иисус прерывает обращённую к ним речь и говорит больному: «Встань, возьми постель твою и иди в дом свой». Книжники, приученные к богословскому мышлению, должны были бы вывести отсюда прямое заключение: человек, способный на земле совершать то, что обычно может совершить лишь Бог на небе, Сам должен быть Богом, явившимся на земле. Но разум не может сделать даже самого очевидного умозаключения, если ему противится злая воля. Мыслящий рассудок может лишь подвести человека к выводу, заключённому в тех или иных предпосылках; окончательное решение, «да» или «нет», зависит уже от воли.

Простой народ, конечно, не станет так тонко рассуждать. Но люди чувствуют это.

(8) Хотя они не идут дальше того, что непосредственно видят в Иисусе, и потому считают Его человеком, – они всё же «устрашились». Их охватывает трепет перед близостью Божества – ещё не осознанного ясно, но инстинктивно ощущаемого, – которое пребывает в этом Человеке, стоящем среди них. Разумеется, они не думают, будто такая власть принадлежит людям вообще. Но этот Человек ею несомненно обладает.